

«ЭТО о войне 1914—1918 годов. Но это и о других войнах: в Алжире, во Вьетнаме...

О всех тех войнах, которые человечество пережило впоследствии, которые стали трагедией для каждого из вовлеченных в них народов...».

Таким обращением к зрителю начинается спектакль по роману Анри Барбюса «Огонь», поставленный театральной группой «Иль де Франс». Едва успевают отзвучать эти слова, их сменяет канонада которая будет слышна на протяжении всего спектакля. На ее фоне потекут траншейные будни пехотного взвода, томительно дождяющего своей очереди в страшной «мясорубке». Будни, состоящие из жидкой похлебки, грязи, блох, редких писем близких. А потом наступит очередь этих солдат подчиниться приказу («огонь!»). С поля боя многие попадут в лазарет и там, корчась от боли, впервые попытаются выразить весь свой ужас перед увиденным, свою ненависть к тем, «кто придумал войны»...

Принимая решение инсценировать «Огонь», руководитель труппы «Иль де Франс»

«ОГОНЬ» ШАГАЕТ ПО КРАСНОМУ ПОЯСУ

Жак Сарту отдавал себе отчет в том, что выбор этот не из легких. Материальные возможности его передвижного театра крайне ограничены, а подобная постановка требовала значительных затрат на оформление. К тому же фактура произведения, в котором мало действия, с трудом поддается облечению в театральную форму. Понадобилось упорство режиссера, помноженное на изобретательность оформителей и на вдумчивую работу над текстом, чтобы спектакль увидел свет. Этому редкому упорству есть свое объяснение в далеком прошлом.

Осенью 1940 года, в самом начале немецкой оккупации, в Париже появились листовки, призывавшие население выражать протест фашизму, посещая могилы Поля Вайяна-Кутюрье и Анри Барбюса, чьи имена являлись для французов символом антиимпериализма. Одна из таких листовок

попала в руки 20-летнего Жака Сарту. От отца, участника первой мировой войны, он много слышал об авторе «Огня» и, не колеблясь, отправился на кладбище Пер-Лашез. В тот момент, когда он клал цветы к надгробию Барбюса, его арестовали. В полицейском участке рядом с ним оказалась группа молодежи, обвинявшаяся в том же самом «преступлении». Во время допроса, последовавшего за жестокими побоями, каждый из юношей и девушек в ответ на рывкающую: «Коммунист?» говорил: «Да. И горжусь этим!» Жак Сарту не был тогда членом Компартии. Не был вообще близок к политической борьбе. Но мужество этих ребят потрясло его, заставило по-новому взглянуть на себя, на происходящее вокруг. В тот день он поклялся быть вместе с ними.

Клятве этой Сарту оставался верен и участвуя в Сопротивлении, и после освобождения,

когда всю энергию отдал делу создания театра, несущего культуру в рабочие районы, доступного самым бедным. Уже с конца сороковых годов «Иль де Франс» стал постоянным и желанным гостем городов парижского Красного пояса. Выступали на крохотных клубных сценах, в школьных фойе, в залах мэрий, а то и просто на пустырях, на наскоро возведенных помостах. Актерам порой приходилось недосыпать. Случалось и недоесть. Было время, когда у них не было помещения, и они со своим стареньким автобусом вели кочевой образ жизни. Но все лишения забывались при виде радостных и доверчивых зрительских лиц, от сознания того, что они нужны людям. За эти долгие годы театр переиграл много пьес. Однако Жаку Сарту репертуар продолжал казаться неполным до тех пор, пока в нем отсутствовало имя Анри Барбюса, сыгравшего столь важную

роль в его личной судьбе.

Я смотрела «Огонь» в Сент-Уэн-л'Омоне. В зале было много молодежи. Она чутко реагировала на игру актеров, прерывая ее аплодисментами. Наблюдая за зрителями, я вспомнила слова Жака Сарту, которые он сказал мне незадолго до поднятия занавеса:

— Ставя «Огонь», я думал прежде всего о юном поколении французов. Оно выросло в мире, и это большое счастье. Но именно на его долю завтра выпадет отстаивать этот мир, а отстаивать его невозможно, не осознав всей нелепости и жестокости, которые несет в себе империалистическая война. Роман Барбюса может в этом смысле сегодня очень многим научить. К сожалению, надо признаться, что у нас это замечательное произведение знают недостаточно. Во всяком случае по сравнению с Советским Союзом, где оно постоянно переиздается массовыми тиражами. Я хочу, чтобы спектакль ронял в молодое сердца капли ненависти к войне, сплачивал молодежь в неприятии общественного строя, который порождает войны.

Е. КАРАСЕВА,
наш 'корр.

ПАРИЖ.